

ЭО, 2015 г., № 1

© А.В. Гринёв

**ТРАДИЦИОННОЕ РЫБОЛОВСТВО
У ТУЗЕМЦЕВ АЛЯСКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ)**

Ключевые слова: рыболовство, коренное население Аляски, исторические источники, традиционная экономика и культура, Русская Америка

Статья посвящена анализу уровня развития рыболовства – важнейшей отрасли хозяйства значительной части коренного населения Аляски. Она содержит описание рыболовных орудий труда, методов добычи, переработки и сохранения рыбы, а также способов ее употребления в пищу. Статья базируется на данных ранних русских источников: рапортах мореходов, журналах первопроходцев, записках служащих Российско-Американской компании, материалах участников кругосветных экспедиций и т.д. Работа содержит также краткий очерк изменений, произошедших в туземном рыболовстве после прихода на Аляску русских, которые основали там свои колонии, известные как “Русская Америка”.

Общеизвестно, что рыболовство (особенно морское и прибрежное) является одной из основных отраслей экономики современного штата Аляска. Богатые рыбные ресурсы этого региона отмечали уже первые русские путешественники, побывавшие здесь после экспедиции В.И. Беринга – А.И. Чирикova в 1741 г., открывшей Юго-Восточную Аляску и цепь Алеутских о-вов. Так, в “Известиях” вологодского купца Фёдора Кулькова, посетившего в 1759–1762 гг. Ближние Алеутские о-ва в поисках ценной пушныны, говорилось: “Рыбы безмерное множество всякой и притом крепкой [качественной]¹, как трески и ей подобной, особливо при тихой погоде в заводях и речках” (Ляпунова 1979: 102). В 1820-х гг. служащий Российско-Американской компании (РАК, управлявшей Аляской в 1799–1867) К.Т. Хлебников писал, что залив Кука и реки полуострова Кенай были очень богаты рыбой: “Мелкие речки, истекающие из гор, в известное время года изобилуют рыбой, какая обыкновенно идет с моря [на нерест], т.е. чавыча, красная мякижа [радужная форель], горбуша, гольцы и мелкая разных пород; чавыча случается весом в 1 пуд 20 фунтов [24 кг]; во время ходу [на нерест] рыба пускается в речки столь густо, что препятствует грести веслами при переезде в лодках или байдарках” (Хлебников 1979: 48). Исследовавший в 1840-х гг. внутренние районы Аляски лейтенант Лаврентий Загоскин отмечал обилие наваги у берегов Берингова моря и огромных гольцов, водящихся в речках, впадающих в зал. Нортон (Загоскин 1956: 62–63). Перечень подобных свидетельств и цитат можно легко продолжить.

В ранних русских источниках об Аляске упоминались такие ценные породы морской промысловой рыбы, как сельдь (*Clupea pallasii*), треска (*Gadus macrocephalus*), зулахон или рыба-свеча (*Thaleichthys pacificus*), палтусы (*Hippoglossus stenolepis*), камбала (*Platichthys stellatus*), морские окуни (*Sebastes alutus*) и сизи (*Coregonus*), терпуги (*Hexagrammos decagrammus* и *Pleurogrammus monoptyerygius*), навага (*Eleginus gracilis*), калага (*Hemilepidotus hemilepidotus*) и другие виды. Кроме того, ежегодно

Андрей Вальтерович Гринёв – д.и.н., профессор кафедры истории Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; e-mail: agrinev1960@mail.ru

десятки миллионов лососей идут на нерест из моря в реки Аляски в летне-осенний период (поэтому в Русской Америке они были известны под названием “периодической рыбы”). Это пять разновидностей тихоокеанского лосося: нерка или, как ее обычно звали в Русской Америке, “красная рыба” (*Oncorhynchus nerka*), чавыча (*Oncorhynchus tshawytscha*), горбуша (*Oncorhynchus gorbuscha*), кета (*Oncorhynchus keta*), известная в Русской Америке под названием “хайка” или “хайко” и, наконец, кижуч (*Oncorhynchus kisutch*). Вместе с лососевыми на нерест в реки устремляются морские сиги – нельмы (*Stenodus leucichthys nelma*) и так называемые “проходные гольцы” (*Salvelinus alpinus*). Время от времени в низовья Юкона и в смежные районы с моря приходят миноги (*Lampetra ayresii*), которые считались лакомством у местных эскимосов. В реках и озерах Аляски водятся и чисто пресноводные виды рыб, также бывшие объектом промысла местного населения. Это главным образом сига (*Coregonus clupeaformis*), речные налимы (*Lota lota*), щуки (*Esox estor*), пресноводные гольцы (*Salvelinus fontinalis*), речные окуни (*Micropterus*) и др.

Учитывая обилие и разнообразие рыбы на Аляске, неудивительно, что рыболовство имеет здесь глубокие корни, уходящие вглубь веков. Археологические находки свидетельствуют о том, что еще предки современных индейцев, алеутов и эскимосов, впервые попав в Новый Свет, активно занялись добычей рыбы. Согласно археологическим данным, культура древних рыболовов, а также морских зверобоев начала формироваться около 5000 лет тому назад в Южной и Юго-Восточной Аляске, когда климатические и геоморфологические факторы предопределили массовый ход лосося на нерест в реки этого региона. Проведенные в 1990-х гг. археологические раскопки на о-ве Кадьяк говорят о том, что селения предков современных эскимосов располагались вблизи рыбных рек, например, вдоль р. Карлук, куда каждое лето и осень устремлялись на нерест около 10 млн. лососей. На местах древних поселений американские археологи находят многочисленные наконечники гарпунов, острог, рыболовные крючки, фрагменты сетей и лесок для уженья рыбы (Crowell 1988: 131–134). Как показывает анализ распространения промысловых орудий труда древних эскимосов в районе Берингова пролива, к 1400 г. н.э. в результате экологических изменений они были вынуждены существенно увеличить долю рыбной ловли в ущерб практиковавшейся прежде охоте на китов и оленей-карибу, а их поселения переместились в места, благоприятные для ведения рыболовства (Андерсон 1981: 74–78).

Особенно много рыбы, прежде всего лосося, добывали коренные жители Южной и Юго-Восточной Аляски, где, по мнению американских археологов, уже более 3000 лет распространены деревянные запоры с рыбными ловушками (Hunt 2010: 15, 18). Подробное описание такого приспособления оставил лейтенант Загоскин, который писал:

Запоры устраиваются следующим образом: смотря по состоянию воды и отлогости берега, вбивается в ложе реки под прямым углом к берегу несколько кольев, в состоянии не более сажени [2,13 м] друг от друга; к ним приставляются решетки; крайняя из них ставится в параллель берега. Это составляет собственно запор. Решеток в запоре бывает от 3 до 6 на Квихпаке [эскимосское название Юкона] и 10 и более на Кускоквине. К вольной [внешней] стороне запора и вплоть до внутренней стороны поперечной решетки вбиваются четыре кола, в середину которых опускается морда [ловушка], плетеная, как и решетки, из еловых драниц. На связку как решеток, так и морд туземцы употребляют еловые корни и таловую [ивовую] кору. Диаметр морд бывает до 4 фут; диаметр горла до 6, длина морды до полутора сажени [3,2 м]. Во время изобильного хода рыбы к заднему концу морды привязывается так называемый хвост или рукав, который в сущности есть тоже длинная и узкая морда, в него рыба набивается из настоящей. Хвосты облегчают промышленника [индейца-рыбака] при вытаскивании добычи и сохраняют морду от поломов. Смотри по назначению, для какого сорта рыб плетется морда, расстояние между драницами и тонкость их бывают различны (Загоскин 1956: 219).

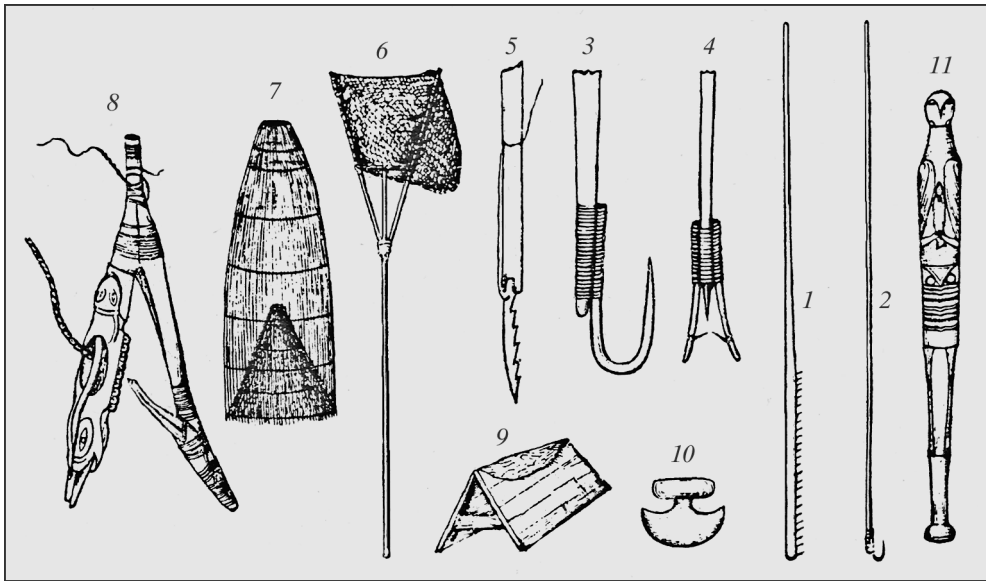

Рис. 1. Рыболовные орудия труда индейцев тлинкитов (источник: Krause A. *The Tlingit Indians. Results of a Trip to Northwest Coast of America and Bering Straits / Transl. from German by E. Gunther. Seattle and London, 1956. P.129; впервые издано в 1881 г. в Германии на немецком языке*)

Аналогичное описание запора было дано английским путешественником Фредериком Вимпером во время его пребывания на Юконе в середине 1860-х гг. (*Whympere* 1868: 171–172).

Рыбные запоры были весьма эффективным средством добычи рыбы. Об этом свидетельствовал унтер-офицер Горного корпуса Дмитрий Тарханов, первым из европейцев зимовавший среди тлинкитов общины Якутат в 1795/6 г. В частности, он описал очень своеобразный загонный способ добычи лосося, не зафиксированный в других источниках. Суть его состояла в том, что местные индейцы поднимались на своих деревянных каноэ вверх по течению реки на 1,5 версты (1,6 км) и оттуда плыли вниз, колотя по бортам веслами и взбаламучивая гарпунами воду. Испуганная рыба устремлялась вниз к рыбному запору (который Тарханов именовал “засекой”). “Приплывут к самому засеку, – писал Тарханов, – вытащат на берег баты [каноэ], вынимают морды с умножением великим, едва притянут с рыбой к берегу. Вынимают из воды, выкладывают на берег. Несколько облегчат, вытащат морду на берег и тут всю без остатка выгружают. В засеке бывает морд по три и четыре” (ОРРНБ: 64).

Деревянные запоры, по сообщениям российских и зарубежных авторов середины XIX в., широко применялись на Юконе даже в суровое зимнее время, когда местные индейцы и эскимосы занимались подледным ловом (*Загоскин* 1956: 133; *Whympere* 1868: 171–172). С другой стороны, по свидетельству первых русских путешественников, рыбные запоры были совершенно неизвестны жителям Западных Алеутских о-вов. В “сказке” тотемского купца Степана Черепанова о его пребывании на Алеутских о-вах во время вояжа на судне “Св. Захарий и Елизавета” в 1759–1762 гг. говорилось, что алеуты Ближних о-вов удили палтусов и треску в открытом море, а также добывали рыбу с помощью гарпунов и острог на берегу – других способов ее промысла они не знали (РО 1948: 116).

Наряду с деревянными запорами туземцы Якутата и кадыакские эскимосы использовали каменные запруды с отверстиями, куда вставлялись ловушки-морды

(Шелихов 1971: 58, 102). Особенно широко были распространены каменные запоры на беслесных Восточных Алеутских о-вах. Побывавший в 1790 г. на о-ве Уналашка немецкий врач Карл Мерк описал барьер, сделанный алеутами из камней на речке, с проходами, куда алеуты помещали плетеные из ивовых прутьев ловушки конической формы три с половиной фута длины (Merck 1980: 128).

Помимо ловли рыбы с помощью стационарных запоров, алеуты и эскимосы отправлялись за ней в море на обшитых кожей одно- и двухлучных байдарках (каюках), а индейцы Юго-Восточной Аляски – тлинкиты (которых русские звали “кóлоши” или “кóлюжи”) и эяки – использовали для прибрежного рыболовства небольшие деревянные каноэ. Внутриматериковые племена атапасков употребляли с той же целью маленькие каноэ, сделанные из березовой коры, на которых они рыбачили в реках и озерах.

В открытом море и у морского побережья туземцы добывали рыбу при помощи рыболовных костяных или деревянных (нередко комбинированных) крючков с грузилами, крепившихся к лескам из стеблей морских водорослей или кожаных ремешков. Алеуты и южные эскимосы выделявали лески из высушенного и вымоченного в китовом жире стебля бурой водоросли ламинарии или “морской капусты”, как ее называли русские. Немецкий натуралист Георг Стеллер, побывавший на о-ве Каяк вместе с экспедицией Витуса Беринга в 1741 г., обнаружил подобные лески в тайнике местных эскимосов чугачей и нашел их чрезвычайно прочными и крепкими (Стеллер 1995: 44). Позднее, в 1764 г., камчатские казаки Максим Лазарев и Пётр Васютинский в своем описании Андреяновских о-вов подтверждали эту информацию, описывая приемы рыболовства местных алеутов:

И в море в летнее время, не в дальнем расстоянии от берега, верстах в двух с половиною и меньше, ловят рыбу, палтуса и треску, которой есть там со удовольствием [в большом количестве]. А в зимнее время для улова оной же плавают от берега, расстоянием на море верст за 20 и более. Помянутую рыбу ловят удами на выпущенном сделанных из морской капусты тонких поводках сажен ста с полтора и на 200 [315–420 м]. Она же капуста так, как в толстоту обыкновенной железной проволоки или малым чем толще; выслуживает она в таком употреблении по крепости своей против прядева коноплянова вдвое больше (РО 1944: 34–35).

Туземцы добывали рыбу не только с помощью лесок и крючков (особенно крупные крючки, порой украшенные резьбой, предназначались для палтуса), но использовали для этого также гарпуны и остроги. Об этом сообщал, например, рыльский купец Г.И. Шелихов, покоривший о-в Кадьяк в 1784 г., где местные эскимосы кониангмюты (кадьякцы) применяли гарпуны с зазубренными костяными наконечниками (Шелихов 1971: 58). Трезубые остроги упоминал Дмитрий Тарханов, описывая тлинкитов Якутата, указывая на наличие у них гарпунов с костяными наконечниками, служивших индейцам для добычи кижуча (ОРРНБ: 64–64 об.).

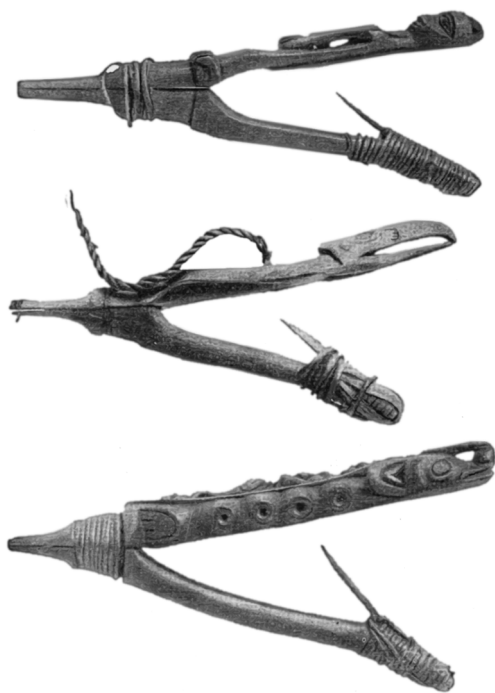

Рис. 2. Резные крючки тлинкитов для ловли палтуса (источник: Народы Америки / Под ред. А.В. Ефимова, С.А. Токарева. М., 1959. Т. 1. С. 157)

Рис. 3. Модели гарпуна, копыя, шатины для охоты на птиц (источник: Эскимосы алятиик: Каталог коллекций Кунсткамеры / Авт.-сост. С.А. Корсун, отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб., 2010). © Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

При ловле сельди и рыбы-свечи во время нереста индейцы Юго-Восточной Аляски пускали в дело своеобразные “сельдевые грабли”, представлявшие собой длинную деревянную планку, конец которой был утыкан острыми зубцами. Описание ловли с помощью этого приспособления мы можем найти в ранних русских источниках. Так, лейтенант С.И. Унковский, побывавший в столице Русской Америки Ново-Архангельске (совр. Ситка) на о-ве Баранова в 1814–1815 гг., писал:

Сельди появляются здесь в половине марта месяца и в таком множестве, что их можно черпать сатком [сачком] прямо из воды. Колюжи [тлинкиты] не ловят их сетями, но для сего сделан шест длиною около 3-х сажен [6,3 м], конец одного плосковатый, подобно веслу, и в оный вколочено до 10, 12 гвоздей. Таким образом, двое американцев [индейцев] ездят на своей лодке – один гребет и управляет лодкою, а другой опускает шест в воду, где видны сельди, и подымает оный кверху, всегда почти с сельдями, приставшими к гвоздям шеста (Унковский 2004: 113).

Для ловли рыбы-свечи, лосося, трески и прочих пород индейцы употребляли сети, сплетенные из волокон кедровой или еловой коры, дикой конопли и крапивы. Небольшие сети закрепляли на шестах между двумя каное и тащили в том или ином направлении (Krause 1956: 120–131; Niblack 1890: 288–294; Oberg 1973: 69). Сети использовали и другие аляскинские туземцы – северные эскимосы и внутриматериковые атапаски – при добыче речной рыбы. Последние изготавливали их из ивовой коры или кожаных ремешков, о чем сообщал Л.А. Загоскин:

Обыкновенный сеточный промысел производится весьма просто: один конец сети опускается с грузом в реку; другой – соединенными побочными [петлями] привязывается к талине [ивовому шесту], воткнутой в берег, которая своим колебанием показывает добычу. Для того, чтоб сеть стояла в вертикальном положении, по верхнему ее краю подвязывают из тополовой коры поплавки. Плавают с сетями точно так же, как наши [русские] рыбаки, то есть один конец сети с грузилом и поплавком отпускается на волю, другой держится на лодочке промышленником [рыбаком-индейцем], тихо сплывающим по течению. Этот способ наиболее употребителен для ловли нельмы в весеннюю водопись [половодье] или в глубокою осень, когда появляются забереги [ледяная корка у берега] и рыба отходит в середину реки. В посадке сети бывают от 8 до 12 [16,8–25,2 м] сажень длины и 5 футов [1,5 м] глубины; на сизи, нельму и красную рыбу вяжутся из таловой [ивовой] коры, на чавычу из тонких ремней нарочито вымораживаемых средних маклячьих лавтаков [дубленых тюленьих шкур]. Способ вязания у каждого племени отличен (Загоскин 1956: 219).

Своеобразный способ ловли рыбы на Юконе атапасками коюконами с помощью больших сетей наблюдал летом 1867 г. американский натуралист У.Х. Долл. Согласно

его описанию, маленькие каноэ индейцев спускались по течению реки, выстроившись в ряд, а затем по сигналу старейшины все индейцы разом забрасывали сеть, после чего доставали ее с бьющимся лососем (*Dall* 1898: 117).

Достаточно широкое применение, особенно среди жителей Южной и Юго-Восточной Аляски и Алеутских о-вов, имели рыбные сачки (“саки”), которые изготавливались из свитых китовых жил, кожаных ремешков или древесных прутьев. Их наличие впервые зафиксировали русские промышленники и казаки, осваивающие во второй половине XVIII в. Алеутскую гряду в поисках калана, чей мех высоко ценился в России и Китае. Так, рассказывая об Андреяновских о-вах, камчатские казаки Лазарев и Васютинский сообщали о местных алеутах:

К пропитанию своему в летнее время упростили они в тамошних речках входящую в те из-моря [на нерест] разных родов рыбу зделанными из китовых жил прядева, связанными наподобие мережи [сетки, натянутой на обруч] небольшими саками [сачками] (РО 1944: 34).

Аналогичное сообщение о промысле рыбы эскимосами с помощью сачков на о-ве Кадьяк оставил Степан Глотов, первым из европейцев перезимовавший здесь в 1763/4 г. вместе с командой судна “Св. Андреян и Наталья” (РЭИТО 1989: 108). Дмитрий Тарханов также упоминал о рыболовных сачках в своем “Журнале”, описывая заготовку лосося индейцами атна на р. Коппер в 1797 г.:

Пропитание [имеют] от Медной реки красною рыбою, которая идет от моря [на нерест] в июне месяце, добывают [ее] саком, связанным из звериных жил мережою, и сушат на лабах [складах для хранения продовольствия]... (ОРПНБ: 72).

Спустя 30 лет К.Т. Хлебников дал в своих записках более подробную картину заготовления лосося кенайцами (индейцами танаина) вблизи укрепленной фактории РАК – Николаевского редута на полуострове Кенай:

Для продовольствия служащих и работников [редута] рыбою ловят оную летом в устье речки Кактну способом, употребляемым туземцами, именно так называемыми саками [подчеркнуто в источнике], т.е. на длинных шестах прикрепляются широкие продолговатые корзины, из прутьев сплетенные, кои и погружаются в воду так, чтобы рыба, идущая вверх по течению, попала в корзину; тотчас ее вынимают из воды. Для большего удобства ставят с берега поперек реки на несколько сажен род перил на козлах; желающий добыть рыбу вооружается саком, становится на перила близ воды, и малый его труд тотчас вознаграждается добычею. Когда замечен густой ход рыбы, то перила вплоть [плотно] обставлены людьми с саками; обыкновенно же старики, женщины и дети этим заняты. В Кенайский [Кука] залив входит удивительное множество рыбы, и все речки, в оный текущие, изобилуют ею (*Хлебников* 1979: 82).

По наблюдениям Л.А. Загоскина в 1843 г., внутриматериковые индейцы атапаски ловили летом шук и сигов в озерах с помощью сетей и сачков, а на Юконе они использовали сачки для ловли лосося:

Саки, то есть сети, обтянутые на обруче, вроде неглубокого кошеля с шестом вместо рукоятки, употребляются исключительно для ловли чавычи, которая в первые дни своего появления идет вверх реке серединой по глубине. Диаметр обруча делается до 4 фут [1,2 м]; длина шеста до 2½ сажен [5,25 м] (*Загоскин* 1956: 156, 161, 164, 219).

Таким образом, к приходу первых европейцев на Аляску и Алеутские о-ва в середине XVIII в. рыболовные орудия труда и приспособления туземцев отличались достаточно большим разнообразием и эффективностью. Поэтому русские не стали кардинально менять что-либо в средствах и способах добычи рыбы местным населением, а использовали его богатый опыт в собственных нуждах. Судя по источникам,

Рис. 4. Рыболовная удочка из леси с грузилом и двух крючков; рыболовный крючок (источник: Эскимосы алятиик: Каталог коллекций Кунсткамеры / Авт.-сост. С.А. Корсун, отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб., 2010). © Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

сами русские промышленники, осваивая Алеутские о-ва и берега Южной Аляски, применяли только неводы, которые привозили с собой с Камчатки или из Охотска. Так, в рапорте морехода Ивана Коровина, побывавшего на о-вах Лисьей гряды во время промысловой экспедиции в 1762–1763 гг. на судне “Св. Троица”, говорилось, что для пропитания команды на Уналашке промышленники добывали неводами на озере кету, нерку и кижуча артелями по 7 человек (РО 1948: 127, 144). Аналогичным образом добывали рыбу моряки других держав, посещавших Аляску и Алеутские о-ва во второй половине XVIII в. Например, во время пребывания на Уналашке в октябре 1778 г. английские моряки с кораблей экспедиции знаменитого капитана Джеймса Кука с помощью невода и удочек ловили свежую рыбу – прежде всего различные породы лосося, форели и палтусов, причем однажды англичане выловили палтуса весом более 100 кг (Кук 1971: 388). О добыче неводами рыбы командами иностранных кораблей в заливе Нучек на о-ве Хинчинбрук в заливе Принс-Уильям сообщали русским в 1788 г. местные эскимосы чугачи (Шелихов 1971: 91).

При изобилии рыбы ее всегда запасали впрок на зимний сезон. Для этого туземки чистили ее от чешуи и затем разделявали рыбу тушку с помощью традиционного ножа-пеколки (пикулки), более известного в этнографической литературе как женский эскимосский нож “улу”, современные аналоги которого продаются в сувенирных магазинах Аляски. Такие ножи, с широким полукруглым лезвием, туземцы выковывали из железа, о чем упоминалось еще в ранних русских источниках при описании Восточных Алеутских о-вов (РТЭ 1979: 317; РЭИТО 1989: 62). В XIX в. сами русские изготавливали и обменивали пеколки туземцам внутренней Аляски. Так, в 1839 г. начальник Ново-Александровского редута Фёдор Колмаков предписывал управляющему Кукоквимской одиночки (маленькой фактории) Ивану Лукину платить местным туземцам одну железную пеколку за 80 тушек сушеной рыбы (Загоскин 1856: 46).

Сам процесс разделки рыбы был описан иеромонахом Гедеоном, жившим в 1804–1808 гг. в главном селении острова Кадык – Павловской Гавани:

С 10 апреля² гольцы идут из озера в море; красная [рыба, т.е. нерка] подходит к забору [запору] 23 апреля и ранее, хайка [кета] и горбуша приходят с моря в половине июня. Из сих трех последних рыб приготавливается юкола [сушеная рыба] посредством женщин, кои своими американскими ножами, наподобии наших сечек, сперва разрезают пополам рыбу, потом, отняв голову, вынимают всю хребтовую кость и таковые пластинки весят для сушки в лабазы, а с оных относят высушенные в балаган [склад]. Кижуч из роду лососей, приходит к запору в половине сентября и ранее, из него также приготавливают юколу и качемаз, в коем хребтовая кость не вырезывается (*Гедеон* 1994: 57–58).

Разделанные тушки рыбы туземцы обычно сушили на ветру или коптили над огнем. Первый способ преобладал среди алеутов и эскимосов, большинство из которых жило на безлесных островах и в арктической тундре, где трудно было собрать достаточно дров для копчения рыбы, а вот среди индейцев, населявших богатую лесами Юго-Восточную Аляску, копчение было обычным делом. Кроме того, индейцы, а гораздо чаще алеуты и эскимосы, заквашивали рыбу в ямах. Приготовленную подобным способом, ее ели, обмакивая в рыбий, тюлений или китовый жир, поскольку в противном случае она не могла нормально усваиваться и вызывала тяжелое желудочное заболевание (*Хлебников* 1979: 142). Северные эскимосы нередко замораживали сырую рыбу (нельма, сиги, муксун и др.), употребляя ее затем в виде так называемой “струганины” или “строганины”, т.е. небольших стружек, вырезаемых ножом из мороженой рыбы (*Загоскин* 1956: 223). С приходом русских на Аляске получила распространение засолка рыбы (в первую очередь сельди и лосося), в то время как туземцы никогда не употребляли соли для консервации продуктов.

В Русской Америке рыбу, заготовленную впрок любым способом (кроме посола), называли камчадальским³ словом “юкола”. Уже первые путешественники отмечали ее наличие у местных жителей. Так, немецкий натуралист Стеллер в 1741 г. обнаружил в тайнике эскимосов чугачей на о-ве Каяк корзины с копченой неркой. “... Она была столь чисто и хорошо приготовлена, – писал Стеллер, – как мне никогда не приходилось видеть на Камчатке; по вкусу она также превосходила камчатскую” (*Стеллер* 1995: 44).

Кроме рыбы индейцы Юго-Восточной Аляски ежегодно запасали в больших количествах ценный рыбий жир. В “Журнале” Тарханова содержится первое довольно подробное описание хозяйственного цикла индейцев тлинкитов с указанием конкретных месяцев, когда преобладали те или иные виды экономической активности. Вот что он сообщал, например, о заготовке якутатцами жира рыбы-свечи (эулахона), занимавшего важное место в рационе питания индейцев Северо-Западного побережья: “Февраля в первых числах [ловят] сак-рыбу, ...кладут в кучи, чтоб прокисла. Потом в корытах через воду парят калеными камнями и сверху жир сымают в посудины и употребляют в пищу. У оной рыбы жир густой” (ОРГНБ: 64–64об). Этот жир тлинкиты не только ели с большим количеством продуктов, но и запасали в нем ягоды и съедобные корни на зиму. Более того, жир рыбы-свечи вместе с сушеной рыбой тлинкиты поставляли внутриматериковым атапаскам (*Krause* 1956: 134–135; *Olson* 1936: 211; *Oberg* 1973: 69–70). Таким образом, они были одним из немногих племен аляскинских туземцев, наладивших регулярный обмен морепродуктами с жителями глубин материка еще до прихода европейцев. В своевременная заготовка жира рыбы-свечи играла для индейцев огромную роль. В донесении главному правителю Русской Америки А.А. Баранову о столкновении с тлинкитами в конце мая 1802 г. его ближайший помощник И.А. Кусков упоминал, что одной из причин, заставивших индейцев пойти на заключение мира с русскими, была необходимость заготовления жира рыбы-свечи, шедшей в то время на нерест (*Гринёв* 1988: 122).

Помимо рыбьего жира туземцы охотно запасали высококалорийную рыбу икру. Так, по свидетельству Л.А. Загоскина, берингоморские эскимосы на зиму закладывали икру в берестяных коробах (*Загоскин* 1956: 96). Дмитрий Тарханов сообщал, что рыбу икру индейцы Якутата варили с ягодами, консервируя ее таким образом на зиму (ОРРНБ: 65–66). Лейтенант Семён Унковский писал в 1815 г. о живших южнее тлинкитах: “Икра сельдей у них ценится весьма дорого, а как оные появляются только в заливе Ситхи, многие американцы [индейцы] приезжают ловить оную из весьма далеких заливов” (*Унковский* 2004: 113). К.Т. Хлебников свидетельствовал о том же, описывая тлинкитов общины Ситка – соседей Ново-Архангельска:

Заготовление пищи у ситхинских колош начинается в феврале месяце, с привалом сельдей. Но сию рыбу они впрок не запасают, потому что скоро портится от плесени и горчает. Они обыкновенно запасают икру сельдевую: зная время, когда сельди должны метать икру, колоши рубят древесную хвою [ветви хвойных деревьев] и, перетянув оную, опускают с камнем в воду вблизи берега. Испущенная икра облипает ветки, которые вынимают из воды и сушат на солнце или на воздухе и по высушении околачивают от ветвей и сберегают для употребления (*Хлебников* 1985: 81–82).

Несмотря на обилие рыбы на Аляске, туземцы Русской Америки далеко не всегда имели ее в достаточном количестве. Во-первых, потому, что в некоторых регионах рыбные ресурсы были относительно ограничены. Например, Г.И. Шелихов указывал, что на Крысыях о-вах Алеутской гряды рыбы было относительно немного (*Шелихов* 1971: 75–76). А на о-вах Прибылова, по словам старожила Русской Америки К.Т. Хлебникова, совершенно отсутствовали лососи, хотя морской рыбы (палтуса, трески, наваги) у побережья островов бывало иногда довольно много (*Хлебников* 1979: 201).

Во-вторых, неблагоприятные природные условия и катаклизмы могли значительно уменьшить добычу и сохранение рыбы местными жителями. Известный мореплаватель В.М. Головнин, посетивший Кадьяк в 1818 г., писал: “Нередко случается, что жители бросают в море по 10 и 20 тысяч рыб, которые, будучи развешаны для сушения, от продолжительных дождей испортятся” (*Головнин* 1949: 330). Хотя, добавлял Головнин, рыбы здесь такое множество, что эскимосы вскоре восполняют свои запасы. Русский миссионер И.Е. Вениаминов сообщал, что накануне сильнейшего извержения вулкана на о-ве Уникам зимой 1825 г. в море носило много полумертвой трески и наваги, а после извержения этой рыбы совсем не ловилось до 1827 г. С этого года она стала опять появляться, но уже в гораздо меньшем количестве (*Вениаминов* 1840: I: 69–70). Вообще на Алеутских о-вах, по замечанию Вениаминова, недостаток солнечного света и отсутствие леса не позволяли сушить и коптить рыбу и мясо морских животных в больших количествах, что делало невозможным делать большие запасы продовольствия на зиму, пополнить которые часто мешали зимние штормы (*Вениаминов* 1840: II: 230). Действительно, весной 1821 г. на Уналашке, еще до приезда сюда Вениаминова, свирепствовал голод из-за недостатка рыбы, поскольку, как говорилось в документах Российско-Американской компании, “зима была бурливая, удить рыбу по бухтам было почти невозможно”. Поэтому местные алеуты вынуждены были питаться морской капустой и моллюсками на берегу. Жертв, к счастью, удалось избежать благодаря распорядительности местного управляющего РАК Р.Я. Петровского – он кормил больных, старых и малолетних алеутов продовольствием со складов компании (РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 829: 12об.–13; NARS. Roll. 28: 120об.). Неблагоприятные природные явления могли происходить и в других регионах. Загоскин писал по этому поводу:

Но случаются годы, как 1841 и 1843, когда несвоевременными дождями воды Квихпака [Юкона] поддерживаются в июле месяце на такой высоте, что не позволяют туземцам употреблять заповор – единственного их способа улова морской рыбы. Тогда юколу – этот хлеб северных жителей – променивают за пушные промысла или сравнительно их ценности (*Загоскин* 1956: 134).

В-третьих, недостаток продовольствия у аляскинских туземцев зачастую происходил из-за широкого распространения у них так называемой “престижной экономики” (см.: Семёнов 1993: 232–477; Мосс 1996: 88–169 и др. раб.). В результате созданные в летний сезон запасы пищи (в первую очередь рыбы), очень быстро проедались на престижных пирах в осенне-зимний период. Поэтому достаточно обычным явлением среди аляскинских туземцев были весенние голодовки, о чем сообщал, например, приказчик РАК Николай Коробицын, побывавший на Кадьяке в 1804–1805 гг. Российско-Американская компания оказывала ограниченную помощь продуктами туземцам ближайших к Павловской Гавани селений, но в отдаленных старики и дети часто становились жертвами голода (РО 1944: 180–181). Позднее К.Т. Хлебников еще подробнее останавливался на сходной особенности традиционной экономики индейцев танаина:

Все дикие [туземцы] от природы ленивы, и хотя главное пропитание их зависит от запаса рыбы, но они никогда о том не стараются: если нужда заставляет его иметь пищу, то добывает только на день и опять покоится между женами. К зиме запасают не более 300 рыб юколой [на одну семью]; но при наступлении осени начинаются у них игры, на кои созывают столько соседей, сколько смогут прокормить своим запасом. Во все продолжение праздника объедаются неумеренно, пляшут и шаманят. По окончании игрушки хозяин дома выносит все свои вещи и, смотря по состоянию [состоятельности], дарит гостей цельными шкурками оленей, ровдуг [дублеными шкурами] или птичьими парками [теплой одеждой из шкурок птиц]. [...] После сего обряда гости, отблагодарив хозяина, переходят к другому, а сам хозяин, провожая их, становится гостем. Таким образом продолжают угощение до тех пор, пока не истребят все запасы провизии. [...] Обычай сей, перенятый от предков, хранится постоянно. Они верят, что, нарушив его, не будут иметь успехов в звериных промыслах и прочем” (*Хлебников* 1979: 49).

Хотя реки и озера внутриматериковой части Аляски были богаты рыбой, однако она не играла той определяющей роли в жизни местных атапасков (за исключением низовий Юкона), как у индейцев и эскимосов Южной и Юго-Восточной Аляски. Это отмечал еще промышленник Василий Иванов, первым из европейцев ходивший с озера Илиамна в бассейн рек Кускоквим и Юкон с 25 декабря 1792 г. по 17 апреля 1793 г. (*Свердлов* 1993: 124–131). Морской офицер Г.И. Давыдов, разыскавший через 10 лет запись о его экспедиции в конторе Российско-Американской компании на о-ве Кадьяк, писал:

Повсюду Иванов видел много речной рыбы, как то налимов, шук, нельм и иную кроме однако осетрины. Когда реки покрыты льдом, то рыбу [местные жители] ловят мордами. Юколу запасают только к весне; ибо зимою ловят много оленей, мясом коих кормятся (*Давыдов* 1812: 142).

Об этом же свидетельствовал спустя 50 лет Лаврентий Загоскин:

Кускоквим далеко уступает Квихпаку [Юкону] в изобилии, разнообразии и крупности рыбы, и потому верховые жители его, принадлежащие к селениям, ближайшим к речушке Колмакова, занимаются усерднее добычею оленей и промыслом бобров, выдр и других пушных зверей, вообще доставляющих им пищу... (*Загоскин* 1956: 220).

Русские, приходя на о-ва Алеутской гряды в 1740–1780-х годах, а затем и на американский материк и прилегающие острова, не только сами ловили рыбу, но чаще получали ее различным способом от местных жителей. Это могли быть периодические подарки в виде свежей или сушеной рыбы. Порой промышленники покупали рыбу у алеутов за бисер, табак, медные котелки и тому подобные вещи, но обычно выдавали их в долг туземцам, в результате чего те обязаны были снабжать русских рыбой во все время пребывания их на том или ином острове. Об этом свидетельствовал капитан М.Д. Левашов, зимовавший в 1768/9 г. на о-ве Уналашка (РТЭ: 357). Случалось, правда, что пришельцы силой отбирали у местных жителей их продуктовые запасы

без всякого возмещения. Подобными грабежами прославился, например, начальник промышленников Василий Шошин с судна “Св. Иоанн Устюжский” в 1761 г., команда которого вела добычу каланов на Крысьих о-вах, где она силой отнимала рыбу у местных алеутов. Шошин навел на них такой панический ужас, что едва завидев вдаль его байдару, алеуты с готовностью выносили на берег пушнину и сушеную рыбу и тут же в страхе скрывались (АРГО: 59–60; *Ляпунова* 1987: 64). Бывало, что промышленники брали алеутов (добровольно, за долги или насильственно) как опытных рыболовов вместе с байдарками в свои вояжи к другим островам специально для снабжения команды свежей рыбой. Подобным образом действовал, например, квартирмейстер Гавриил Пушкарёв на боте “Св. Гавриил”, который забрал с собой с островов Атхи и Амли четырех алеутов с двумя женами и двумя детьми для рыбного промысла, когда отправился к полуострову Аляска летом 1761 г. (АРГО. Разр. 60. Оп. 1. Д. 2. Л. 56).

После основания Г.И. Шелиховым первого постоянного русского поселения на о-ве Кадьяк в 1784 г., когда была заложена база европейской колонизации Аляски, рыболовство у туземцев почти не претерпело качественных изменений. Но вот объемы добычи и заготовки рыбы у зависимых от компании Шелихова кадьякцев резко возросли. Это было предопределено необходимостью снабжать съестными припасами как новых пришельцев – русских промышленников, так и организованные ими промысловые партии из местных туземцев, которые добывали калана в составе байдарочных флотилий нередко за несколько сот километров от родных мест.

Основными добытчиками и переработчиками рыбы в российских колониях со второй половины 1780-х и до начала 1820-х годов были так называемые “каюры”. В Русской Америке этим камчадалским словом обозначали зависимых туземных работников, находившихся фактически на положении рабов компании Г.И. Шелихова, а с 1799 г. и Российско-Американской компании. Каюры представляли собой наиболее угнетенную и бесправную часть населения российских колоний, формировавшуюся из бывших туземных рабов, выкупленных или отнятых русскими у их прежних хозяев, а также сирот, военнопленных и преступников (*Гринёв* 2002). Это были, условно говоря, “постоянные” каюры, полностью (пожизненно) принадлежавшие РАК. В то же время существовали “временные каюры”, набиравшиеся обычно для работ на компанию в период летнего промыслового сезона. Г.И. Давыдов свидетельствовал по этому поводу:

Из всех народов набираются Каюры в вечное услужение Компании. Кадьякские каюры разсылаются по всем селениям Компании в Америке; от чего Коняги [кониагмюты, кадьякцы] терпят более других; ибо обязаны запастись кормовые припасы не токмо для Русских на Кадьяке находящихся, но и в других местах, где по недостатку рыбы или по другим причинам, оных недостает. Сверх сего набирают всюду каюр на время запасения рыбы и ягод; к зиме же отпускают в селения, дабы избавится от хлопот одевать и кормить их (*Давыдов* 1812: II: 120–121).

К таким “временным каюрам” относились в первую очередь пожилые туземцы, подростки и женщины, которые занимались ловлей, чисткой, разделкой и сушкой рыбы для РАК, сбором кореньев и ягод, починкой байдар и байдарок и другими работами.

Организацию добычи рыбы каюрами на о-ве Кадьяк в начале XIX в. описал иеромонах Гедеон:

Каюрами называются те алеуты⁴, кои для разных работ по артелям и в гаванях берутся по произволу компании с разных жил [селений]. Они в половине марта по приказанию байдарщика [начальника артели] утверждают на речках запоры для промысла рыбы, готовят лабазы для сушки оной и начинают неводить в тех местах, где по бухтам рыба появится. Когда же рыба пойдет в речки [на нерест], тогда уже неводить перестают, а отпирают в запоре ворота, где поставляют садки. По наполнении оных рыбою запирают ворота для того, чтоб оная вверх не проходила. Ибо рыба оная назад в море никогда не возвращается, но всегда силится пробраться на самый преснец [исток] воды (*Гедеон* 1994: 79–80).

При каждой крупной артели на Кадьяке и в соседних регионах содержалось по несколько каюров для промысла рыбы под надзором байдарщиков или специально назначенных русских промышленников. Иеромонах Гедеон сообщал, что в артели Сапозжкова близ Павловской Гавани ежегодно запасали до 30 000 штук юколы, а в Игакской артели, неподалеку от которой был устроен запор для ловли рыбы – до 60 000 сушеных рыб. В Трехсвятительской артели на юго-западе Кадьяка заготавливали до 90 000 штук юколы, в Алитакской артели – до 70 000, а в Карлукской – до 300 000(!) (Гедеон 1994: 57–58). В Карлуке, как самом “рыбном месте” Кадьяка, для добычи и переработки лосося специально содержалось 20 каюров и 18 каюрок, а, кроме того, для чистки рыбы дополнительно привлекались 25 женщин из окрестных селений в виде “временных каюрок”. На соседнем с Кадьяком острове Афогнак жило 8–10 русских и множество каюров, запасавших юколу из палтусов (Давыдов 1810: I: 79). Приготовлением юколы для РАК занимались и эскимосы чугачи, населявшие берега и острова залива Принс-Уильям (РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 1243. Л. 9).

Однако все эти масштабные заготовки не имели рыночного значения, поскольку вся рыбная продукция поступала исключительно на внутреннее потребление и распределялась, а не продавалась, исходя из текущих потребностей конкретных поселений и артелей для пропитания русских и туземцев. Согласно архивным данным, большая часть запасенного на Кадьяке продовольствия перевозилась на байдарах сначала в тогдашний колониальный центр – Павловскую Гавань, а оттуда рассылалась по другим факториям и поселениям. Для дополнительного снабжения Павловской Гавани свежей рыбой каждую весну администрация РАК рекрутировала от 20 до 40 стариков-туземцев на однолунных байдарках, которые были обязаны ежедневно (если позволяла погода) удить ее до начала хода лосося на нерест в мае. За этот труд пожилые туземцы получали в виде вознаграждения птичьих паркы. Это был для них едва ли не единственный способ заработать себе теплую одежду – всего они получали ежегодно за добытую рыбу около 55 парок (РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 1243. Л. 3, 5; NARS. Roll. 27: 8; Хлебников 1979: 41).

К ловле и транспортировке рыбы привлекались также “вольные” туземцы, которые охотились на калана в окрестностях Кадьяка: они запасали рыбу для артели на о-ве Укамок. Этот остров не имел ни одной рыбной речки, но зато изобилдовал птицами и сусликами-евражками, из шкурок которых местные женщины шили теплые и высоко ценившиеся туземцами паркы (Давыдов 1812: II: 125). Обычно в партии для добычи калана вблизи Кадьяка набирали старых, слабых и подростков, в то время как молодые, здоровые мужчины охотились на калана в Юго-Восточной Аляске в районе архипелага Александра, где еще в 1804 г. на о-ве Ситха (Баранова) был основан Ново-Архангельск, ставший в 1808 г. новой “столицей” Русской Америки. Впоследствии кадьякцы жаловались правительственному ревизору капитану 2-го ранга В.М. Головинину, побывавшему на Кадьяке летом 1818 г., что из-за отвлечения молодых туземцев на дальние промыслы летом в их селениях оставались только старики, женщины и дети. Им было тяжело добывать себе пропитание и заготавливать его на зиму, тем более что летом они должны были работать на РАК, добывать и вялить рыбу не только для русских промышленников, но и для свиней, принадлежавших компании. В результате сами туземцы часто вынуждены были питаться древесной корой, ракушками или выкинутыми на берег мертвыми китами (МИРЗ 1861: 119–120).

Впрочем, начиная с 1818 г. российские колонии в Америке стали возглавлять хорошо образованные и достаточно гуманные офицеры Военно-морского флота, которые значительно облегчили жизнь зависимых туземцев. Так, посетивший Уналашку в 1819 г. новый главный правитель С.И. Яновский распорядился оплачивать алеутам каждую добытую для РАК рыбу, чего прежде почти никогда не случалось. По свидетельству главы кругосветной экспедиции капитан-лейтенанта М.Н. Васильева, компания в 1821 г. вознаграждала уналашкинских алеутов, выдавая им по 5 коп. за

лососю или треску и по 3 коп. за пикшу или гольца (РАКИТС 2005: 108). Кроме того, за чистку и переработку рыбы туземные женщины начали получать от компании небольшую плату, которую раньше выдавали натурой. В депеше Кадьякской конторе РАК от 24 июня 1823 г. за № 260 сменивший Яновского на посту главного правителя капитан-лейтенант М.И. Муравьев писал, что для заготовления “кормов” на летний сезон требуется нанимать по 30 туземок за плату от 75 до 100 руб., а временным работницам выплачивать по 1,50 руб. в неделю. Главный правитель рекомендовал также поощрять детей-помощников:

При неводьбе и чистке или сушке рыбы помогают часто и дети, таковым я не полагаю денежной платы, а должно их кормить и одарить чем-нибудь наблюдая чтоб сверх сил и по принуждению русских не работали (NARS. Roll. 28: 331–331об).

Еще более существенным шагом Главного правления РАК и колониальной администрации, который оказал заметное влияние на динамику рыболовства в Русской Америке, стало полное упразднение каюрства в начале 1820-х гг. Одной из важнейших причин этого было резкое уменьшение популяции калана на Северо-Западном побережье из-за беспощадного истребления и, как следствие, сокращение численности байдарочных флотилий РАК, которых каюры должны были обеспечивать всем необходимым. В депеше от 30 декабря 1821 г. за № 215 в ГП РАК Муравьев писал:

Когда в Кенайской губе [заливе Кука] было много русских и каюр, то по всем рекам сделаны были запоры для рыбы, теперь трудно их поддерживать да и нужды в том большой нету. Индейцы беспечны, то дабы оне не терпели голоду [начальник Николаевского редута] Епифанов посылает в некоторыя речки по одному рускому, которыя с помощью вольных кенайцов поправляет запоры и во время ходу рыбы индейцы ими пользуются, зато помогают руским в чистке рыбы. Это есть общая обязанность: весною всегда приходят к редуту много женщин с детьми и просят прокормления – им никогда не отказывают. За что оне благодарны и чувствуют одолжение, тоионы [старейшины] мне сами говорили об етом (РАКИТС 2005: 121).

В связи с уменьшением промысловых байдарочных партий и ликвидацией каюрства, а также общим сокращением численности зависимого туземного населения почти на одну треть по сравнению с началом века, общая продуктивность рыболовства РАК на Аляске явно уменьшилась. Если в 1804–1805 гг. только в Карлукской артели на Кадьяке руками каюров заготавлилось ежегодно до 300 000 штук юколы, то в начале 1830-х годов, по данным правителя Кадьякской конторы РАК В.И. Кашеварова, все артели острова заготавливали не более этого числа (АРГО. Д. 107: 1–4, 7об–17). Кроме того, как говорилось выше, активная вулканическая деятельность в Уналашкинском отделе на Восточных Алеутских о-вах в середине 1820-х гг. привела к резкому сокращению популяций морской рыбы и, соответственно, ее добычи местными алеутами.

В этот период рыбу продолжали добывать также на Западных Алеутских о-вах – в так называемом Атхинском отделе колоний, куда входили группы о-вов Андреяновских, Крысьих, Ближних и Командорских (этот отдел был присоединен к общему колониальному управлению только в 1825 г., а до этого подчинялся Охотской конторе РАК). Практически вся пойманная здесь рыба, как и в Уналашкинском отделе, поступала исключительно на внутренние нужды, да и ее было относительно немного, за исключением о-ва Атхи, где местные алеуты ловили и частично сушили, а частично засаливали для РАК до 20 тыс. штук лососей, и, кроме того, запасали для компании сушеную треску (Хлебников 1979: 119, 162, 164, 168, 178–179).

В это время Кадьякский отдел продолжал оставаться главным местом рыбного промысла в российских колониях. Как и прежде, добытая по артелям Кадьяка рыба

сушилась, после чего часть ее свозилась в Павловскую Гавань. Здесь для снабжения местных жителей свежей рыбой РАК продолжала содержать до 10 двухлюдных байдарок кадьякцев-удильщиков (т.е. 20 человек), которые за свои труды получали уже не парки, а деньги, по более высокой таксе, чем в начале 1820-х гг. Так, за каждую треску компания платила им по 10 коп., за калагу – 5, за палтуса – 25 коп. За добычу рыбы и другие работы находящиеся на службе РАК зависимые туземцы получали жалованье от 100 до 180 руб. в год, а женщины-туземки за чистку рыбы и прочие работы – от 60 до 120 руб. (Хлебников 1979: 36, 44).

Аналогичная, а в ряде случаев и более высокая плата существовала для зависимых туземцев и в столице российских колоний – Ново-Архангельске. Служившие здесь кадьякцы и алеуты получали как постоянное жалованье, так и сдельную плату за выловленную рыбу. Глава Новоархангельской конторы РАК К.Т. Хлебников свидетельствовал:

Во время зимы алеуты выезжают байдарками удить палтусов, окуней и другую рыбу, из которой, сверх собственного потребления, продают русским треску 50 коп., а палтусы до 3 руб. за штуку, смотря по величине. Можно сказать без преувеличения, что они получают в зиму за рыбу около тысячи рублей (Хлебников 1985: 183).

Кроме того, довольно заметную часть рыбы жители Ново-Архангельска и приказчики РАК приобретали от местных индейцев тлинкитов. По данным официальной статистики, приводимой К.Т. Хлебниковым, с 1 января по 1 июня 1831 г. у тлинкитов приказчиками РАК было куплено 1 376 пудов палтусины, 2503 рыб трески, 512 штук окуней и камбалы, 25 060 сельдей и корюшки на сотни рублей (Хлебников 1985: 143). Определенное количество рыбы РАК вынуждена была закупать у туземцев для снабжения своих служащих в Михайловском редуте (1833) в заливе Нортон и для работников расположенного в среднем течении реки Кукоквим Колмаковского редута (1836). Дело в том, что оба этих поселения не располагали достаточными рыбными ресурсами для самообеспечения (Загоскин 1956: 72, 212).

Таким образом, приход русских способствовал если не качественным переменам в традиционной отрасли туземного хозяйства, то, по крайней мере, существенному увеличению добычи рыбы у ряда групп коренных жителей Аляски. Часть из них (в первую очередь зависимые алеуты и эскимосы) была втянута в добычу и переработку рыбы для РАК в качестве служебной обязанности, в то время как другая часть занималась ловлей рыбы для вольной продажи русским – это были северные эскимосы и индейцы тлинкиты, жившие вблизи русских факторий и Ново-Архангельска. Как и прежде, в период Русской Америки рыболовство продолжало оставаться у большинства местных туземцев основным средством жизнеобеспечения. Существенные и качественные изменения в рыбной отрасли произошли уже после продажи Аляски США в 1867 г., когда коренное население стало гораздо активнее втягиваться в коммерческое рыболовство и работать на капиталистических рыбоперерабатывающих консервных фабриках.

Примечания

¹ Здесь и далее в цитатах в квадратных скобках даются примечания автора статьи.

² Надо иметь в виду, что в ранних русских источниках использовался старый Юлианский календарь, по которому в XVIII в. разница в датах с современным Григорианским календарем составляла 11 дней, а XIX в. – 12 дней.

³ Камчадалы – старое русское название коренного населения Камчатки – ительменов.

⁴ В Русской Америке термин “алеут” часто использовался не как этническое обозначение, а для наименования туземного работника РАК, невзирая на его этническое происхождение. В данном случае речь шла о кадьякских эскимосах.

Источники и материалы

- АРГО – Архив Русского географического общества (АРГО). Разр. 60. Оп. 1. Д. 2; 107.
- Вениаминов 1840 – Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. I–III.
- Гедеон 1994 – Записки иеромонаха Гедеона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803–1808 гг. // Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / Сост. Р.Г. Ляпунова и др. Отв. ред. А.Д. Дридзо, Р.В. Кинжалов. М., 1994.
- Головнин 1949 – Головнин В.М. Сочинения. Путешествие на шлюпе “Диана” из Кронштадта в Камчатку, совершенное в 1807, 1808 и 1809 гг. В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. Путешествие вокруг света на шлюпе “Камчатка” в 1817, 1818 и 1819 гг. С приложением описания примечательнейших кораблекрушений, в разные времена претерпенных русскими мореплавателями / Под ред. и с прим. И.П. Магидовича. М., Л., 1949.
- Давыдов 1812 – Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1812. Ч. II.
- Загоскин 1956 – Загоскин Л.А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. / Общ. ред., прим. и коммент. М.Б. Черненко, Г.А. Агранат, Е.Э. Бломквист. М., 1956.
- Кук 1971 – Кук Дж. Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом Океане в 1776–1780 / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. Я.М. Света. М., 1971.
- МИРЗ 1861 – Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана // Приложение к Морскому сборнику. СПб., 1861. Вып. I.
- ОРРНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Сборник Q IV. 311.
- РГИА – Российский гос. исторический архив. Ф. 994. Оп. 2. Д. 829; Ф. 13. Оп. 2. Д. 1243. Л. 9.
- РТЭ 1979 – Русская Тихоокеанская эпопея / Сост. В.А. Дивин и др. Хабаровск, 1979.
- РЭИТО 1989 – Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сб. документов. М., 1989.
- Стеллер 1995 – Стеллер Г.В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742 / Пер. с англ., ред., предисл. и коммент. А.К. Станюковича. М., 1995.
- Унковский 2004 – Унковский С.Я. Записки моряка. 1803–1819 гг. М., 2004.
- Хлебников 1979 – Хлебников К.Т. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / Сост., авторы введ. и коммент. Р.Г. Ляпунова и С.Г. Федорова. Л., 1979.
- Хлебников 1985 – Хлебников К.Т. Русская Америка в “Записках” Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск / Сост., предисл., коммент. и указ. С.Г. Федоровой. М., 1985.
- Шелихов 1971 – Шелихов Г.И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам / Под ред., с предисл. и прим. Б.П. Полевого. Хабаровск, 1971.
- Dall 1898 – [Dall W.H.] The Yukon Territory. The Narrative of the W.H. Dall, Leader of the Expedition to Alaska in 1866–1868. L., 1898.
- Merck 1980 – Merck K.H. Siberia and Northwestern America 1788–1792. The Journal of Carl Heinrich Merck, Naturalist with the Russian Scientific Expedition Led by Captains Joseph Billings and Gavriil Sarychev / Trans. by F. Janesch. Kingston, Ontario, 1980.
- NARS – National Archives and Record Service (Wash.) Record Group 261, microfilm Roll. 28.
- Niblack 1890 – Niblack A.P. The Coast Indians of Southern Alaska and Northern Part British Columbia. Based on the Collections in the U.S. National Museum, and on the Personal Observation of the Writer in Connection with the Survey of Alaska in the Seasons of 1885, 1886 and 1887 – Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution / Report of the US National Museum. Washington, 1890.
- Whymper 1868 – Whymper F. Travel and Adventure in the Territory of Alaska. L., 1868.

Научная литература

- Андерсон 1981 – Андерсон Д.Д. Об изменении доисторических моделей жизнеобеспечения эскимосов: предварительная разработка // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 67–82.
- Гринёв 1988 – Гринёв А.В. Годовой хозяйственный цикл тлинкитов // Экология американских индейцев и эскимосов. М., 1988. С. 117–124.

- Гринёв 2002 – Гринёв А.В. Туземцы-каюры в Русской Америке // История и семиотика индейских культур Америки. М., 2002. С. 464–477.
- Ляпунова 1979 – Ляпунова Р.Г. Новый документ о ранних плаваниях на Алеутские острова (“Известия” Фёдора Афанасьевича Кулькова 1764 г.) // Страны и народы Востока. Вып. XX. М., 1979. С. 97–105.
- Ляпунова 1987 – Ляпунова Р.Г. Алеуты. Очерки этнической истории. Л., 1987.
- Мосс 1996 – Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.
- РАКИТС 2005 – Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 2005.
- РО 1944 – Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках / Под ред. и с предисл. А.И. Андреева. М.; Л., 1944.
- РО 1948 – Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. и со вступ. ст. А.И. Андреева. М., 1948.
- Свердлов 1993 – Свердлов Л.М. Первый поход к великой реке Аляски Юкону (к 200-летию похода В. Иванова в Русской Америке) // Изв. РАН. Сер. геогр. 1993. № 4. С. 124–131.
- Семёнов 1993 – Семёнов Ю.И. Экономическая этнология. М., 1993. Кн. 1. Ч. II.
- Crowell 1988 – Crowell A. Prehistory of Alaska’s Pacific Coast // Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska / Eds. W.W. Fitzhugh, A. Crowell. Wash., L., 1988.
- Hunt 2010 – Hunt W.J., Jr. Sitka National Historical Park: The Archeology of the Fort Unit. Volume 1: Results of the 2005–2008 Inventory. Lincoln, Nebraska, 2010.
- Krause 1956 – Krause A. The Tlingit Indians. Seattle; London, 1956.
- Oberg 1973 – Oberg K. The Social Economy of the Tlingit Indians. Seattle; London, 1973.
- Olson 1936 – Olson R.L. Some Trading Customs of the Chilkat Tlingit // Essays in Anthropology. Berkeley, 1936. P. 211–214.

Article Summary

A.V. Grinev. Traditsionnoe rybolovstvo u tuzemtsev Aliaski (po materialam otechestvennykh i zarubezhnykh istochnikov) [Traditional Fishing among the Alaska Natives (Drawn on Data from Domestic and International Sources)]

Keywords: fishing, native population of Alaska, historical sources, traditional economy and culture, Russian America

Abstract: The article examines the development of fishing as one of the most important branches of economy among the larger part of Alaska’s native population. It discusses fishing tools and techniques, methods of processing and preservation of fish, as well as ways of cooking and eating fish. The research draws on a variety of sources such as sailors’ reports, journals of early seafarers, notes and memos of members of the Russian-American company, chronicles of circumnavigation voyages, etc. The author touches on the changes that the native fishing underwent after the arrival of Russians in Alaska and founding of settlements known as “Russian America”.

Author: **Andrei Grinev**, St. Petersburg State Polytechnic University (St. Petersburg, Russia); e-mail: agrinev1960@mail.ru

References:

- Anderson D.D. Ob izmenenii doistoricheskikh modelei zhizneobespecheniia eskimosov: predvaritel’naia razrabotka. *Traditsionnye kul’tury Severnoi Sibiri i Severnoi Ameriki*. Moscow, 1981, pp. 67–82.
- Grinev A.V. Godovoi khoziaistvennyi tsikl tlinkitov. *Ekologiia amerikanskikh indeitsev i eskimosov*. Moscow, 1988, pp. 117–124.
- Grinev A.V. Tuzemtsy-kaiury v Russkoi Amerike. *Istoriia i semiotika indeiskikh kul’tur Ameriki*. Moscow, 2002, pp. 464–477.
- Liapunova R.G. Novyi dokument o rannikh plavaniiax na Aleutskie ostrova (“Izvestiia” Fedora Afanas’evicha Kul’kova 1764 g.). *Strany i narody Vostoka*, vol. XX. Moscow, 1979, pp. 97–105.

- Liapunova R.G. *Aleuty. Ocherki etnicheskoi istorii*. Leningrad, 1987.
- Mauss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii*. Moscow, 1996.
- Bolkhovitinov N.N. (ed.). *Rossiisko-Amerikanskaia kompaniia i izuchenie Tikhookeanskogo Severa, 1815–1841*. Moscow, 2005.
- Andreev A.I. (ed.). *Russkie otkrytiia v Tikhom okeane i Severnoi Amerike v XVIII–XIX vekakh*. Moscow & Leningrad, 1944.
- Andreev A.I. (ed.). *Russkie otkrytiia v Tikhom okeane i Severnoi Amerike v XVIII veke*. Moscow, 1948.
- Sverdlov L.M. Pervyi pokhod k velikoi reke Aliaski Iukonu (k 200-letiiu pokhoda V. Ivanova v Russkoi Amerike). *Izvestiia RAN* (Geography Series), 1993, no. 4, pp. 124–131.
- Semenov Y.I. *Ekonomicheskaiia etnologiia*. Moscow, 1993.
- Crowell A. Prehistory of Alaska's Pacific Coast. *Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska*, eds. W.W. Fitzhugh & A. Crowell. Washington and London, 1988.
- Hunt W.J., Jr. *Sitka National Historical Park: The Archeology of the Fort Unit*. Vol. 1: Results of the 2005–2008 Inventory. Lincoln, Nebraska, 2010.
- Krause A. *The Tlingit Indians*. Seattle & London, 1956.
- Oberg K. *The Social Economy of the Tlingit Indians*. Seattle & London, 1973.
- Olson R.L. Some Trading Customs of the Chilkat Tlingit. *Essays in Anthropology*. Berkeley, 1936, pp. 211–214.